

экстремизма в социокультурном пространстве, доказать разнонаправленный характер его воздействия.

Литература

1. Гюстав Ле Бон. Психология масс. М. 1996.
2. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Вопр. философии 1989, N 3;.
3. Методологические проблемы исследования экстремизма 08 Ноября 2010 - М.Я. Яхьяев [электронный ресурс]Режим доступа <http://www.ekstremizm.ru/publikacii/izuchenie-i-prognozirovanie/item/615-metodologicheskie-problemy-issledovaniya-ekstremizma> (10.02.2014).

Давыденко В.А., Ромашкина Г.Ф.,
г. Тюмень

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ

*Исследование проведено при финансовой поддержке гранта РГНФ 12-03-00304 а
«Интегральная оценка регионального развития на материалах социокультурного
мониторинга».*

Проблема доверия связана с выявлением причин успехов и неудач стран с трансформируемой экономикой. Г. Зиммель впервые обнаружил, что доверие в традиционных обществах базировалось в основном на господствующих моральных и социальных структурах, выступая, например, в средневековье формой веры, основанной на божественном предопределении судьбы.

Особое внимание к теории доверия заслуживает подход Т. Парсонса [2]. В его рассуждениях концепт доверие связывался с волюнтаризмом и с разрешением «проблемы социального порядка» (по Гоббсу), под которым Парсонс имел ввиду социальную координацию индивидуальных мотиваций, мотиваций по своей сути потенциально деструктивных.

Пронизывая все сферы человеческих отношений, доверие активизирует действия индивидов, играет важную роль в конструировании горизонтальных и вертикальных отношений, упорядочивает и уравнивает социальные и культурные разнообразия, способствует формированию отношений толерантности, снижает издержки взаимодействия людей, групп и т.п. Помимо основных функций, каждый тип доверия выполняет специфические функции. Институциональное доверие обеспечивает стабильность общества в целом, выполняет функцию легитимации социального порядка. Вплетаясь в механизм легитимации властных структур, оно создает социальную базу поддержки институтов власти и проводимого ими политического и экономического курсов. Для нас не столь важно, почему наступил кризис 2008-2009 гг. — это в настоящий момент более-менее ясно. Важно, как реагирует на кризисные явления социум, и есть ли существенные признаки, отличающие этот кризис от предыдущих. Сейчас нам становится более-менее понятно, что в основном мировой кризис, наступивший в 2009-2010 годах, преодолен. Россия и ее регионы выходят из этого кризиса, но темпы выхода чрезвычайно низки. Сегодня уже практически все серьезные исследователи пришли к выводу, что мир стоит на пороге нового этапа развития. Исторически известно, что преодоление подобных кризису 2009 года потрясений дает новый импульс для развития сильных, модернизирующихся стран, и отбрасывает еще дальше слабые.

Социокультурное и социально-экономическое пространство России чрезвычайно разнообразно, и на переломных точках истории всегда возникают процессы дезинтеграции. Но еще опаснее — отход от модернизации, чреватый социокультурной и социально-экономической деградацией, поскольку весь мир не стоит на месте, а межрегиональная конкуренция сегодня приняла мировой масштаб. Инновационный выбор, сделанных народами, дает им шансы на повышение благополучия людей.

Эмпирической базой работы послужили результаты мониторинга, проводимого с 2006 г. каждые 2 года в Тюменской области (включая ХМАО, ЯНАО). Исследование было четвертым в мониторинге, включенном в проект «Социокультурные портреты регионов России» под научным руководством Н.И.Лапина и Л.А.Беляевой [3]. Основные результаты эмпирического исследования 2009 г. опубликованы, например в монографии 2007 года [4], 2009 года [5], в работах, посвященным инновационному развитию регионов [6]. Данные, полученные самостоятельными исследовательскими группами в других регионах, приводятся по материалам, опубликованным в монографии [7]. Результаты обсуждались на общероссийских и международных конференциях, например, в 2012 году [8]. В 2013 г. было опрошено 3054 человека в возрасте от 18 лет и старше по массовой анкете (ошибка выборки - 1,8% по одному признаку). Структура выборки соответствует структуре генеральной совокупности и репрезентирует население трех субрегионов (юга Тюменской области, ХМАО, ЯНАО) по половозрастной, образовательной и поселенческой (городское/сельское население) структуре.

Исследования показали, что замедление экономики России вполне может привести к автономной рецессии – экономическому спаду, обусловленному не внешними шоками, а внутренними проблемами. Основные причины для входа в автономную рецессию таковы: у России удельные трудовые издержки растут примерно в 3-4 раза быстрее, чем в европейских странах (7-12% против 2-3%), внутренние цены — растут примерно вдвое быстрее, так что есть. К ним же относится отток капитала, гибель целого слоя мелких предпринимателей. Конкуренция не растет, а сжимается. Всё это есть те внутренние шоки, накопление которых делает рецессию в России вероятной даже без падения цен на нефть [9].

Россия на сегодняшний день практически исчерпала потенциал существующей модели роста – с опорой на экспорт сырьевых ресурсов и при нынешнем архаичном уровне развития институтов, высокой роли

государства в экономике. По экспертному мнению Е. Ясина, формирование новой модели роста невозможно без опоры на частную инициативу, развития институтов рыночной экономики и инвестиций в человеческий капитал. Необходимыми условиями являются: реализация принципов верховенства права, последовательное культивирование независимости суда; перестройка взаимоотношений между бизнесом и всем блоком правоохранительных и судебных органов, необходимая для повышения доверия бизнеса к государству; расширение полномочий местного самоуправления. Необходима активизация гражданского общества; развитие сферы инвестиций населения: пенсионная реформа, здравоохранение, образование, рынок жилья; демократизация, создание условий для эффективной политической конкуренции и периодической смены власти. Структура управления экономикой и обществом, сложившаяся в ходе построения «вертикали власти», генерирует стимулы к оппортунистическому поведению среди представителей «нового бизнеса» и «новой бюрократии», ориентируя их на стратегии перераспределения вместо производительной (продуктивной) деятельности. Изменение этой системы — вопрос готовности и способности представителей нынешней российской элиты договориться о формировании системы правил, которые будут соблюдаться ими самими и не будут мешать долгосрочным целям развития экономики и общества [10].

Доверие между гражданами и властью является важным условием проведения любых реформ. Понятие «доверие» включает целую совокупность социальных, психологических, духовных компонентов. «Доверие к властным институтам предполагает делегирование полномочий, одобрение курса, лояльность, надежду на достижение каких-то позитивных изменений, готовность дожидаться этих изменений и т.д.» [11].

Уровень доверия во многом определяет принятие и поддержку населением выбранного политического и социально-экономического курса, является фактором, инициирующим инновационную активность, от него

зависит эффективность реализации принятых органами власти решений. Доверие населения к различным институтам – это и оценка их работы, уверенность в их компетентности и добросовестности, способности эффективно выполнять свои функции. Изучение доверия-недоверия к институтам власти – это выявление точек напряжения и противоречий социального пространства региона.

В течение всех лет наблюдений население Тюменской области (по всем индикаторам - одного из самых экономически благополучных регионов России) выражает достаточно критичное отношение к органам власти (рис. 1). Разница оценок доверия и недоверия показывает, что доля «не доверяющих» почти всем институтам власти больше, чем «доверяющих». Исключение составляют лишь суд, губернатор, а в 2013г. – прокуратура.

Структура доверия-недоверия к институтам власти в исследованиях 2006 -2013 гг. имеет сходную конфигурацию. По отношению к таким региональным институтам как «Правительство региона», «Профсоюзы», «Муниципальные, местные органы власти» население разделилось практически поровну – не доверяют этим институтам примерно столько же людей, сколько и доверяют. Однозначно люди не доверяют политическим партиям, законодательной власти (Законодательному собранию, Думе региона), СМИ.

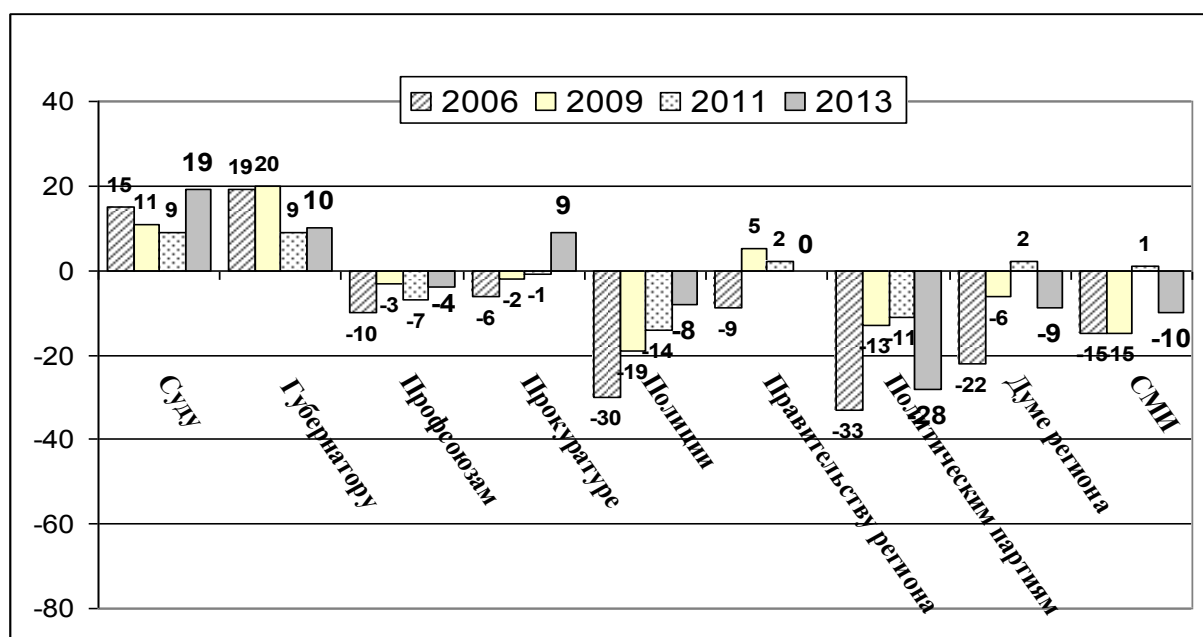

Рис. 1. Разница между оценками доверия и недоверия в 2006, 2009, 2011 и 2013 гг.

(+ доминирует оценка «доверия», - доминирует оценка «недоверия»)

Мы согласны с Немировским В.Г., что в массовом сознании населения «поле доверия» можно представить в качестве матрицы социальных взаимодействий, основными характеристиками которого выступают «доверие», «недоверие» и «безверие». Безверие - промежуточная фаза процесса формирования/разрушения доверия, когда доверие или недоверие уже утрачено, но еще не сформировалось новое отношение к данному социальному субъекту [12]. Если доверие – это значимый фактор поддержки осуществляемых реформ, то недоверие и безверие – важные маркеры имеющихся проблем и социального напряжения.

В целом более высокий уровень доверия высказывают сельские жители и жители поселков. Они больше доверяют правоохранительным органам, губернатору, СМИ. Жители областного центра демонстрируют наименьший уровень доверия и наибольший недоверия по отношению ко всем рассматриваемым институтам. Нельзя сказать, что возраст и образование оказывают однозначное влияние на уровень доверия к различным

социальным субъектам. Выделяются только крайние группы. Респонденты с незаконченным средним образованием и более молодые респонденты в целом проявляют чуть большее доверие, по сравнению с другими группами. Лица, обладающие послевузовским образованием, наиболее критично настроены, в этой группе самый высокий уровень недоверия.

Люди с низкими доходами в большей степени, чем другие доходные группы, не доверяют институтам власти. Чем выше самооценка по шкале материального положения, тем большее доверие высказывают респонденты почти всем социальным институтам. Исключение составляют лишь СМИ, уровень доверия к ним одинаков во всех социальных слоях.

Низкий уровень доверия снижает экономическую и социальную активность населения, одновременно повышая протестную активность. Так, в Тюменской области отмечается очень низкий уровень политической и гражданской активности населения. В 2013 г. только 16% опрошенных участвуют в каких-либо общественных организациях, основная масса из них отметила свое членство в профсоюзе, чья деятельность в организации, как правило, номинальная и не связана с активной защитой прав работников. Кроме того, низкие показатели доверия и социально-политической активности в Тюменской области сочетаются с высоким протестным потенциалом. Готовность в той или иной степени участвовать в акциях протеста выразили в целом по области 35% респондентов.

Для анализа протестной активности в исследовании были использованы следующие индикаторы: 1) уровень ожидания протестных выступлений (*Как Вы думаете, насколько возможны сейчас в вашем городе, поселке, населенном пункте массовые выступления населения?*) - с некоторой долей условности можно сказать, что это косвенное выражение протестных настроений; 2) потенциальная готовность к открытому протесту (*Готовы ли Вы принять участие в акциях протеста (против снижения уровня и качества жизни, прав и свобод человека)?*) – актуальное выражение

протестных настроений; 3) выбираемые способы защиты своих прав и интересов (*В какой форме вы готовы выразить свою позицию по наиболее острой для вас проблеме?*) – готовность действовать.

Уровень ожидания протестных выступлений у населения Тюменской области достаточно высокий: больше половины жителей региона считают, что в их населенном пункте вполне возможны массовые выступления населения. Наиболее вероятны, по мнению населения, выступления в защиту своих прав (20% высоко оценивают возможность таких выступлений и еще 39% считают, что они «возможны при определенных условиях»). Почти 50% респондентов считают, что есть потенциал массовых выступлений против падения уровня жизни (ответы «Очень даже возможны» + «Возможны при определенных условиях»). Ниже всего население региона склонно предполагать вероятность массовых выступлений с политическими требованиями. Но назвать эту оценку низкой тоже нельзя - 45% респондентов полагают, что такие акции возможны в их населенном пункте.

Ожидания протестных выступлений особенно сильны на юге Тюменской области, где 63% респондентов считают возможными массовые выступления населения в защиту своих прав и более половины – против падения уровня жизни и с политическими требованиями (рис. 2). Самый низкий уровень протестных ожиданий – в ЯНАО. Однако и там треть респондентов считают, что есть потенциал массовых выступлений с политическими требованиями и против падения уровня жизни, а 54% - в защиту своих прав.

Уровень ожидания протестных настроений - это в какой-то степени косвенная оценка экономической, социально-политической обстановки в своем населенном пункте, регионе, обществе. Это личностное ощущение напряжения в социальном пространстве, ощущение «нормальности» условий жизни, справедливости/несправедливости распределения доходов и реализации законов, уверенность или неуверенность в возможности отстаивать свои права,

оценка способности институтов власти выполнять свои функции с пользой для общества. Личностное ощущение того, насколько окружающие люди недовольны сложившимися социально-экономическими и политическими условиями и готовы бороться за их изменения.

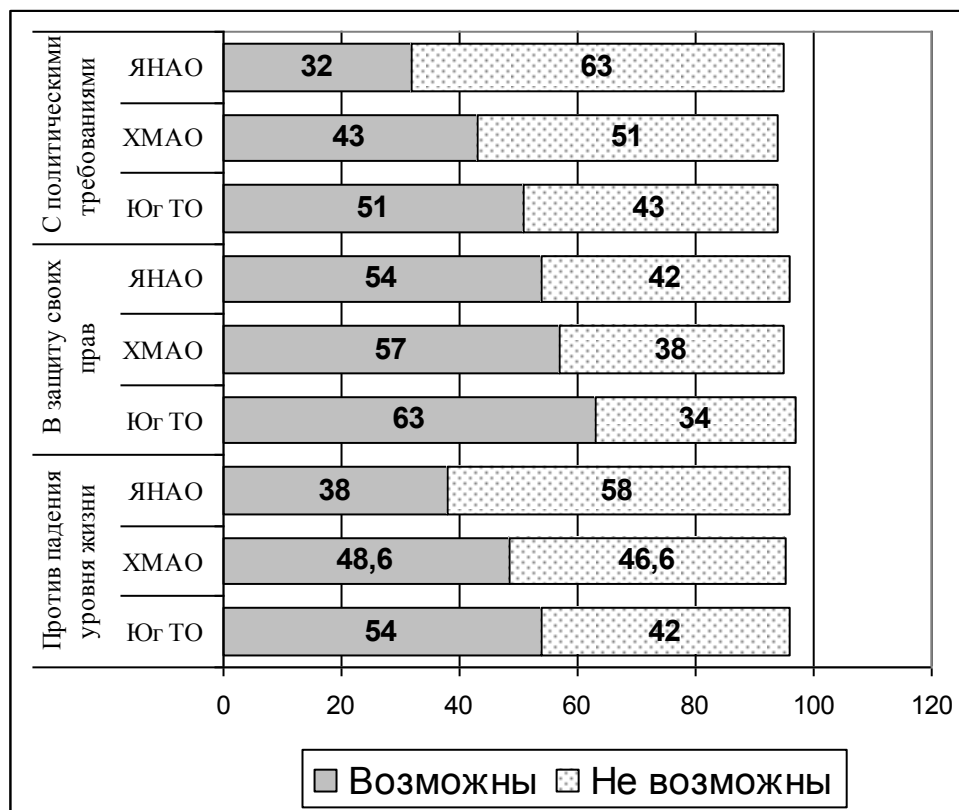

Рис. 2. «Как вы думаете, насколько возможны сейчас в вашем городе, поселке, населенном пункте массовые выступления населения?», в разрезе субрегионов, %

* Данные пересчитаны по следующему правилу «Массовые выступления ВОЗМОЖНЫ» - ответы «Очень даже возможны» + «Возможны при определенных условиях»; «Массовые выступления НЕВОЗМОЖНЫ» - ответы «Скорее, невозможны»+ «Не возможны».

Когда же индивидов спрашивают о собственной готовности принять участие в массовых акциях протеста, то здесь в качестве мотивов выбора того или иного ответа выступают уже иные обстоятельства, как правило, связанные с собственной жизнью индивида. Поэтому декларируемая личная

готовность к участию в этих акциях всегда ниже. Это мы видим и в нашем исследовании (рис. 3).

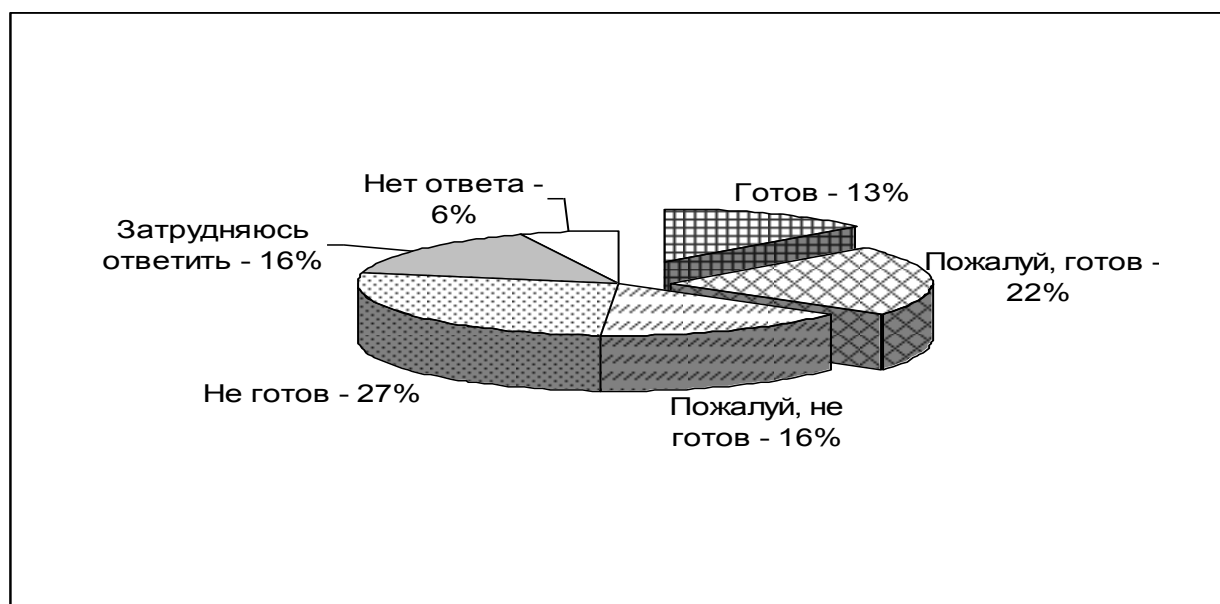

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Готовы ли Вы принять участие в акциях протеста (против снижения уровня и качества жизни, прав и свобод человека)?», в % от опрошенных.

35% респондентов готовы принять личное участие в массовых выступлениях протеста (сумма ответов «да, обязательно» и «скорее, да»). 43% - не готовы к участию ни в каких акциях, причем большая половина из них (27%) ответили «твердое» нет на вопрос: «Готовы ли Вы принять участие в акциях протеста (против снижения уровня и качества жизни, прав и свобод человека)?».

Наибольший уровень ожидания протестных выступлений выражают жители средних (100-500 тыс.) городов и г. Тюмени (единственного крупного города в нашем исследовании). Уровень готовности к реальному протестному поведению лишь чуть выше у городского населения. Жители Тюмени показывают такую же протестную готовность, как жители других городов. Итак, протестные ожидания наиболее сильны в крупных и средних городах. Что может быть следствием более выраженной в таких городах

поляризации доходов населения, кричащего различия в стандартах потребления и уровне жизни. Жители крупных и средних городов более остро ощущают «несправедливость» такой социальной дифференциации, т.к. чаще, чем сельские жители и жители малых городов, сталкиваются с ней в своей повседневной жизни, рис.4. Однако, высокий уровень протестных ожиданий не подкрепляется таким же высоким уровнем личной протестной готовности. Жители разных типов населенных пунктов декларируют почти одинаковый уровень готовности принять личное участие в акциях протеста, рис.5.

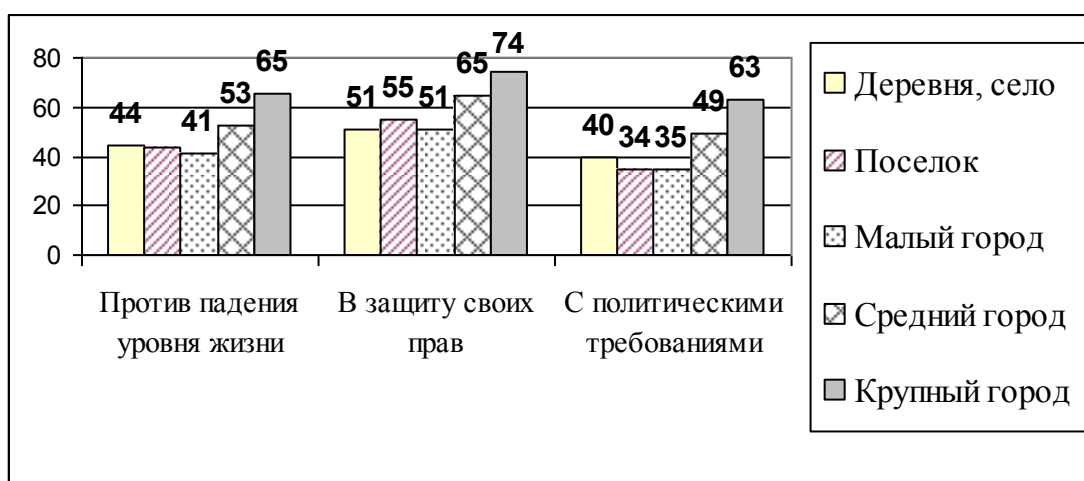

Рис. 4. «Как вы думаете, насколько возможны сейчас в вашем городе, поселке, населенном пункте массовые выступления населения?»

Ответы «Очень даже возможны» + «Возможны при определенных условиях», в зависимости от типа населенного пункта, в %

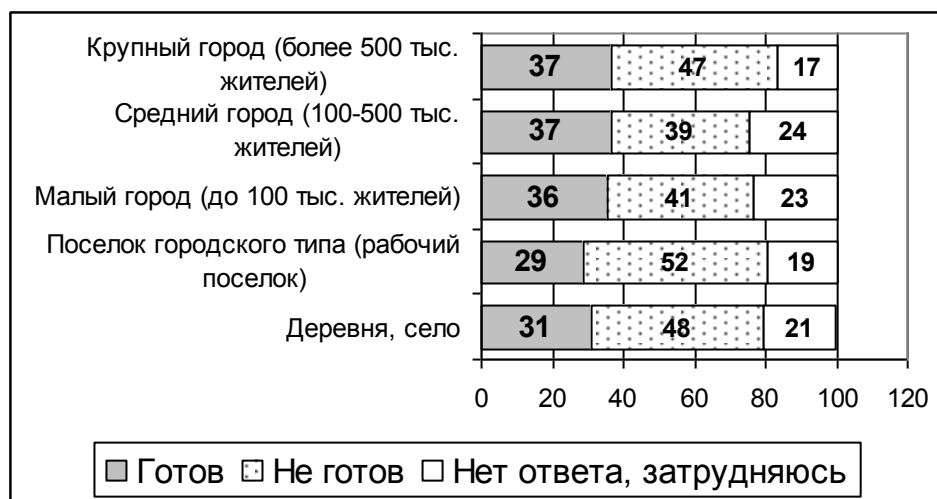

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Готовы ли Вы принять участие в акциях протеста (против снижения уровня и качества жизни, прав и свобод человека)?» в зависимости от типа поселения, %

Данные пересчитаны по следующему правилу: Готов: сумма от ответов «Готов» и «Пожалуй, готов»; Не готов: сумма от ответов «Не готов» и «Пожалуй, не готов».

В Тюменском регионе 50 % респондентов декларируют готовность публично выразить свою позицию по наболевшей проблеме. Собственная готовность к протестному участию (35%) значительно ниже протестных ожиданий (45-59%). Выбираемые способы отстаивания своих прав и интересов носят в основном конвенциональный характер. Активные формы протестных действий выбирают 10% респондентов, из них 4% - готовы к нелегитимным формам активности.

Оценки своей жизнью в целом тесно связаны с самооценкой своего социального статуса. В высших слоях (по самооценке их было около 8%) более трети полностью удовлетворены своей жизнью. В нижнем слое (4% от выборки) таковых оказалось 10%. В наибольшей степени удовлетворены своей жизнью представители средних слоев (49%).

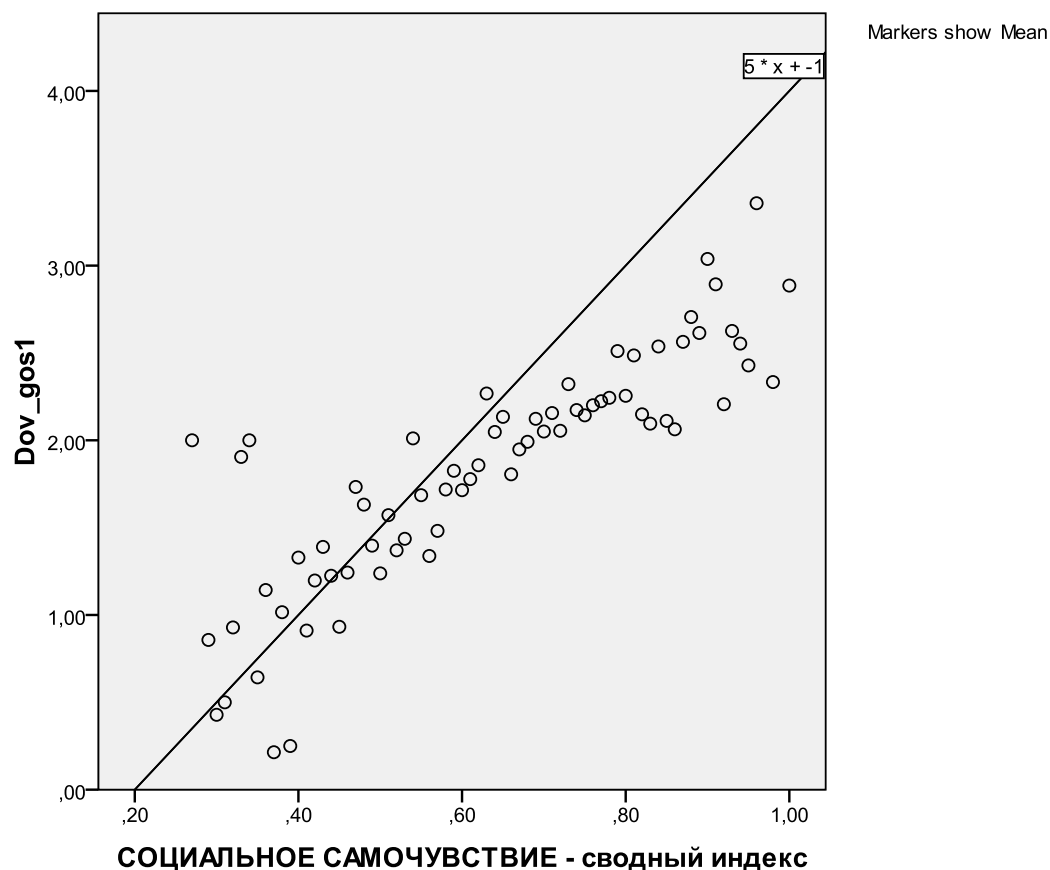

Рис. 6. Средние оценки уровня доверия к институтам власти (переменная Dov_gost1) в зависимости от уровня социального самочувствия в 2013 г., Тюменская область

Уровень социального самочувствия (0-минимальное значение, 1 максимальное значение, вычисленное как средневзвешенное по степени защищенности, оценкам стратегического и тактического оптимизма и общим оценкам своей жизни [4]) прямо коррелирует с институциональным доверием, рис.6.

Социокультурный мониторинг демонстрирует, что в России на текущий момент наблюдается рост метафизически-персонифицированного основания институционального доверия. Гипертрофирование роли сверхъестественных или метафизических сил в общественной жизни проявляется в виде религиозного и квазирелигиозного возрождения. Более подробный анализ позволил выделить статусные позиции, в наибольшей

степени влияющие на удовлетворенность своей жизнью в целом (Кудж), провести анализ социального самочувствия, самостоятельности индивидуума, связь параметров социального самочувствия с ценностным профилем.

Таблица 1

**Культурные типы и ранги изучаемых базовых ценностей
россиян- жителей Тюменского региона**

	Традиционные	Общечеловеческие	Модернизационные
Терминальные	Семья (2)	Порядок (4)	Жизнь (1)
		Благополучие (5)	
	Традиция (9)	Работа (7)	Свобода (8)
Инструментальные		Общительность (3)	Независимость (6)
	Жертвенность (11)	Нравственность (12)	Инициативность (10)
		Властность (13)	Своевольность (14)

Прим. В скобках указан ранг ценности среди 14, выделенных в социокультурном мониторинге в 2013 году, Тюменская область (включая ХМАО, ЯНАО)

Структура ценностных ориентаций населения меняется крайне медленно. Известно множество публикаций на эту тему, и общим выводом из всех наблюдений является вывод о том, что в России медленно, но все-таки происходит переход от архаической ценностной структуры к современной, соответствующей тенденциям мировой цивилизации. Чем более одобряема ценность (14 ценностей), тем меньше дисперсия ее поддержки. Первый дециль: жизнь, семья, общительность, порядок одобряем подавляющим большинством, и дисперсия не превышает 1,013. Второй дециль: благополучие, независимость, работа, свобода, традиция, также относится к одобряемым ценностям, дисперсия от 1,2 до 1,47. Третий дециль:

инициативность, жертвенность, нравственность относится к оппонирующему дифференциалу, и именно здесь происходит раскол между теми, кто поддерживает эти ценности, и теми, кто их отрицает. Дисперсия велика, и достигает половины абсолютного значения среднего, то есть разброс покрывает весь спектр мнений. Далее идет скачок – отрицаемые ценности (своевольность и властность) имеют разброс, превышающий по модулю среднее значение.

Модернизация ценностной структуры имеет ярко выраженный терминальный характер. Из инструментальных ценностей в ядро попала только общительность, независимость находится в интегрирующем резерве, а инициативность находится все еще в оппонирующем дифференциале, табл.1.

Основной вклад в развитие социального капитала в регионе вносят социально-экономические параметры. Накопление культурного капитала не сопровождается формированием модернизационного набора ценностных ориентаций. Тем не менее, заметен поколенческий переход, и межрегиональные различия связаны главным образом с различиями в половозрастной структуре населения.

Литература

1. Зиммель Г. Избранное. Том 1. Философия культуры. М.: Юрист, 1996.
2. Парсонс Т. О структуре социального действия. - М.: Академический Проект, 2000.
3. Лапин Н.И., Беляева Л.А Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация 2010) / Под ред. Лапина Н.И., Беляевой Л.А.; Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФРАН, 2010.
4. Социологический портрет Тюменского региона / Авт. коллектив: Куцев Г.Ф., Давыденко В.А., Мельник В.В., Ромашкина Г.Ф., Корепанов Г.С.,

- Юдашкин В.А., Чеблаков А.Л. // Тюмень: Тюменская обл. дума, Институт философии РАН, Тюменский гос. университет. 2007.
5. Социокультурный портрет Тюменской области / Под. ред. Г.С. Корепанова, Ромашкиной Г.Ф., Юдашкина В.А. и др. - Тюмень: Тюменская обл. Дума, ТюмГУ, 2009.
 6. Ромашкина Г.Ф, Давыденко В.А. Анализ региональных инновационных систем. Вестник Челябинского государственного университета. № 35 (289), 2012 г. Философия, социология. Культурология. Выпуск 28. С.119-126.
 7. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте Тюменский регион / Институт философии РАН. Центр изучения социокультурных изменений. Научно-координационный совет секции ФСПП ООН РАН «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» / Сост. и общая ред.: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. - М.: Academia, 2009.
 8. Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России: сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов»: 22-25 октября 2012 г. / Институт социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан. – Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. – 472 с.
 9. Кувшинова О. Спад на ровном месте // «Ведомости» от 24.04.2013, №72 (3334).
 10. Ясин Е.Г. и др. Состоится ли новая модель экономического роста в России? ... – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. С. 5-6.
 11. Левада Ю. Механизмы и функции общественного доверия //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 3. 2001. № 3. С. 7-12.

12. Немировский В.Г. Социальное доверие населения региона Восточной Сибири в контексте модернизационных процессов /Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России: сборник материалов VIII Всероссийской научно-практической конференции по программе "Социокультурная эволюция России и ее регионов": 22-25 октября 2012 г./ Институт социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан, Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. С. 69-76.

Евдокимов А.С.,
г. Уфа

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Экологическая культура является частью общей культуры. Исследования экологической культуры и ее значения в современном развитии общества является актуальным научным направлением культурологи. В культурологи экологическая культура выступает в качестве культуры, признающей единство системы «человек-природа», или «общество-природа» [5, с.556]. Человек обладает внутренней принадлежностью и к природе, и к культуре. Культура постепенно делает своим объектом отношение к природе, т.е. возникает культура экологической деятельности человека. Задача экологической культуры – поднять на новый уровень оценки отношения природы и человека, ввести знания об этих отношениях в систему ценностей культуры [2, с.62].

Говорить о возможностях развития экологической культуры, получения новых знаний, обогащении собственной экологической культуры конечно невозможно без какой-то предыстории. Необходимо знать, как развивались взаимоотношения природы и человека, природы и культуры, как